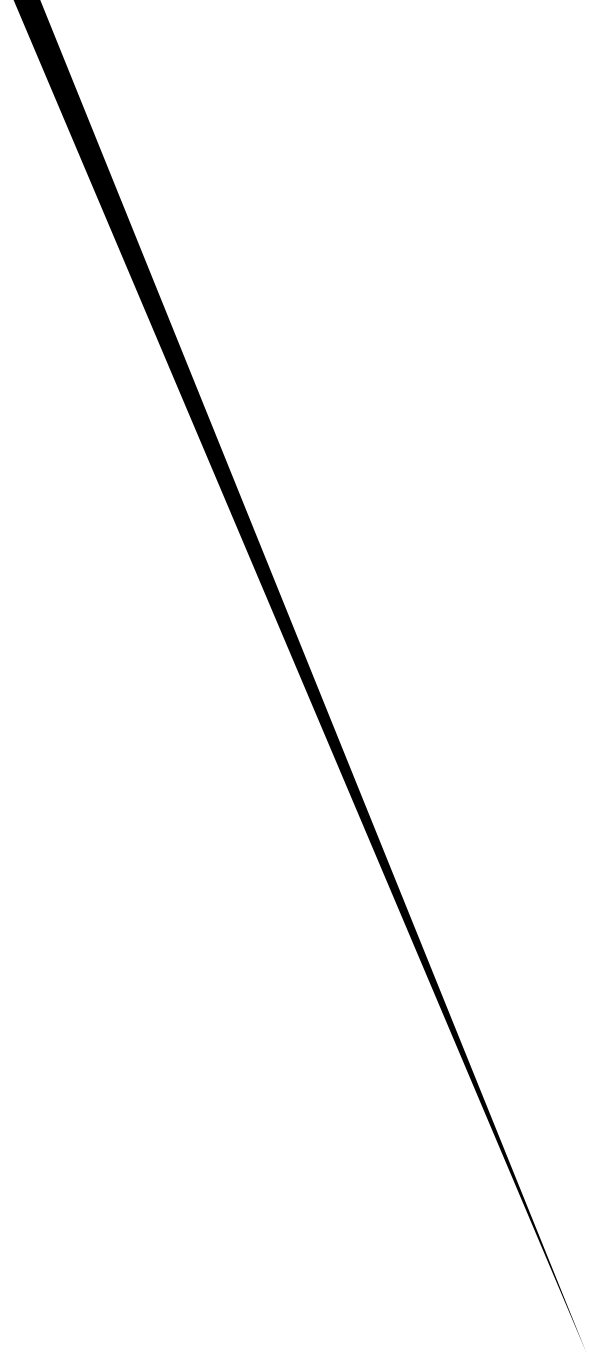

Полина

Лида!!! Сможем 31-го [августа] в зуме встретиться?

Лида

Давай во второй половине дня

Полина

Супер! Ты могла бы мне посоветовать фильмы/статьи/книги про Арктику (уточняю: ты же в Арктику едешь?)

Я хоть немного познакомлюсь с темой.

И можешь сказать тему экспедиции, если это не секрет, или хотя бы какой предмет изучается?

Лида

Да, это Арктика. Про книги и фильмы подумаю, пришло. Правда, я их сама не смотрю вообще

Лида

Суть экспедиции — дрейфовать, вмёрзнув в льдину, и по дороге делать различные измерения всех сред — воды, воздуха... Давай я сделаю google doc, буду туда ссылки кидать

Полина

Мамочки. Это дико круто звучит.

Лида

Привет, сегодня созваниваемся?

Полина

Привет! Да! Тебе во сколько удобно?

Лида

В 19

Полина

Супер!

Лида

[Карта Арктики]

суперсекретная информация

Лида

Это предполагаемый трек дрейфа, жёлтым я обозначила тот самый 80-й градус

Лида

Так что как раз от Мурманска до начала я буду с норм. связью, а потом уже только спутниковая

Полина

Полина

Хорошей дороги, Лида!

Лида

Спасибо) я уже в Мурманске, тут красиво

Полина

И сколько ты там будешь?

Лида

Знаю, что 16-го отходим. В какой момент мы безвылазно окажемся на судне — не знаю, но не раньше 14-го, оно в этот день должно прийти сюда из спб. Буду спамить контентом.

Полина

Спамь сколько хочешь!

Лида

[Аудио]

Лида

У меня не айфон, так что качество не очень

Лида

Кстати, пока ждём наш корабль, живём на другом
классном научно-исследовательском корабле —
«Профессор Роговицкий». Собственно, звуки
в каюте там я записала.

Лида

[Видео]

Типа залезаем на корабль

Лида

Неожиданно для нас по вертикальной лестнице,
так что я не снимала

Полина

Какой он огромный!!!!

Полина

Лида!!!! Ура!!!!

Лида

Да, ура, мы долго ждали этого

Полина

Спасибо, что сняла! Тебе там наверняка не до этого!

22 СЕНТЯБРЯ

(Расшифровка голосового сообщения)

Мы отходили из порта семнадцатого числа поздно вечером, часов в десять или одиннадцать. На следующий день в шесть часов вечера мы все собрались в конференц-зале, и капитан сказал, что ночью будет шторм, это значит, будет качать. Вообще я точно не знаю, как описать шторм. Это высокая балльность волнения, у нас было пять-шесть, в какой-то день до восьми, потом опять пять. Высокие волны, осадки. Сложно описать, как это ощущается людьми — суть в том, что укачивает.

Так вот, вечером нас предупредили, и я уже думала, что готова ко всему. Легла спать, мы отчалили и долго шли по Кольскому заливу. Ночью я проснулась оттого, что всё тряслось. Я подумала: «О, классно!» В качку очень хорошо спится, если кто не знал. Потому что тебя укачивает, как в колыбели. Иногда это очень мило, потому что в это время ты чувствуешь, как корабль качает, и все спят, потому что больше ничего делать не могут. Но утром восемнадцатого числа я попыталась встать на завтрак (он у нас достаточно рано, в 7:30). Вернее, я даже встала, съела немножко овсянки и поняла, что больше не могу. Я знала, что так может быть, потому что в предыдущую экспедицию мне было по-настоящему плохо: я вставала и понимала, что у меня абсолютно сухой рот, я не могу жевать, мне приходилось запивать еду водой очень обильно, чтобы проглотить. Отвратительно. Именно в прошлую экспедицию я узнала, что нужно делать, когда шторм: просто лечь и лежать, не пытаясь встать, и пить воду. Несмотря на состояние нужно есть и пить воду, потому что, если не будешь есть, плохо будет абсолютно точно. Нужно заставлять себя есть и пить воду, но воду пить легче, есть — это просто ужас. В общем, я съела чуть-чуть овсянки и взяла с собой хлеб с сыром, который потом у меня долго валялся в холодильнике, пока я его не выкинула. В общем, восемнадцатого сентября, пожалуй, был самый ужасный день. Я знала, что буду лежать, и всё же это было странно. Ты то спишь, то просто лежишь и думаешь о чём-то (или не думаешь, кто как). Я думала о хороших вещах, мне было не так уж и плохо. Самое ужасное, что иногда всё-таки приходится вставать с кровати. Как только ты встаёшь с кровати и идёшь в туалет, тебя начинает тошнить. Поешь — начинает тошнить. Я живу на одну палубу ниже, чем столовая, то есть мне нужно подняться по лестнице, прийти

до этого зала, там что-то взять, съесть — и вот в этот момент ты понимаешь, как тебе плохо... И ты абсолютно беспомощен. Каждый раз, когда пытаешься встать, понимаешь, что это, скорее всего, закончится тошнотой. Поэтому я уже смирилась и практически весь день провела в кровати. Было очень тихо, и я понимала, что сейчас у всех то же самое, что они ничего не делают и стараются не шевелиться. Под всеми я имею в виду скорее экспедицию, то есть учёных, а команда, кажется, привыкла к этому. Не понимаю, как к этому можно привыкнуть. Но люди в столовой, например, готовили еду и подавали её абсолютно нормально. Они в этих условиях нормально функционируют. А я не могла выполнять свою работу. Некоторые журналисты, например, вообще впервые были на корабле, и я не представляю, как они это переносили. В этом деле всё зависит от опыта — некоторые мои коллеги функционировали как обычно, ходили на обед, заглядывали ко мне, спрашивали, не нужно ли мне чего, всё ли со мной нормально. Объясняла им, что для меня нормально прикляке просто лежать. Надеюсь, меня поняли.

Потом мне пришлось в голову, что можно было у доктора попросить пластырь от укачивания, но я всё ещё не попросила, вообще ни разу не разговаривала с доктором пока. Я даже не знаю, помогает пластырь или нет. Не видела, чтобы у кого-то он был. Но иногда в экспедициях их дают.

Никаких формальных объявлений не было, разве что каждый день в 11:30 нас оповещают, в какой мы географической точке, какая погода за бортом, что происходит. Можно было только слышать баллы этих волн: пять, шесть или восемь. Шторм длится уже несколько дней, и некоторые говорят, что это не шторм никакой, что это норма, мы просто идём по морю. По-моему, самый настоящий шторм. Всё сходится: и волны, и ветер, и осадки,

и качка. Ещё нам сказали, что в этих условиях запрещено стирать в стиральных машинках, потому что от тряски они могут сломаться. И запретили выходить на внешние палубы.

Но с течением времени динамика была, хотя мне сложно оценить, это моё восприятие менялось или объективная реальность. Сейчас расскажу по порядку. Восемнадцатого числа я просто лежала весь день, было очень плохо. Девятнадцатого с утра я всё-таки встала на завтрак, смело пришла в столовую, съела целое яйцо, тост с маслом и поняла, что всё не так уж и плохо, по крайней мере сразу не тошнит. В этот день меня ни разу не стошнило, и это было прекрасно. Это верный признак: если ты ходил в столовую, значит, тебе не очень плохо. В тот день я ещё ходила на полдник в 15:30, а потом даже на ужин в 19:30 и съела там суп. На ужин обычно подают что-то поплотнее, но суп оставался с обеда. Поскольку на обеде я не была, съела вечером небольшую тарелку. Если ты нормально можешь есть, тебе не приходится себя заставлять, значит, либо ты нормально переносишь качку, либо уже и не качает. И причину ты не всегда можешь понять.

Двадцатое сентября. Это был хороший день, с утра стало понятно, что качает меньше. В 11:30 нам объявили, что волнение около четырёх баллов. А ощущалось это вообще как ноль, как будто никакой качки нет. И не только у меня, в тот день у многих было хорошее настроение, все работали. Можно было заниматься и физическим, и умственным трудом. Я вот физическим не занята, я читала что-то, помогала коллегам разобратся в их штуках. Это очень хорошее чувство, когда ты с утра просыпаешься и понимаешь, что сегодня наконец не качает. Мне кажется, людям, которые живут на суше, было бы полезно покачаться денёк, потом проснуться — и почувствовать разницу. Помню, что в этот

день я прекрасно позавтракала, хотя уже и забыла чем. Потом пошла на беговую дорожку и, чтобы поддержать это хорошее настроение, включила новый альбом «Интуриста» «Незнакомка». Я решила прослушать его весь и параллельно ходить со скоростью 5 км/ч, это была имитация моей обычной прогулки в наушниках. Я запланировала делать это на протяжении всего рейса. Прослушала весь альбом, правда, песни перемешались, ну да ладно... А дальше весь день я могла нормально общаться с людьми, и все вокруг тоже были довольные.

И тем страннее и неожиданнее было, что двадцать первого числа утром я опять проснулась к завтраку, но поняла, что не пойду на него, потому что корабль снова качает. Завтрак я пропустила, и обед тоже. И если в первые дни у меня были какие-то запасы еды в холодильнике, я себе что-то приносила из столовой, то теперь, раз ты туда не ходишь, то у тебя ничего и нет... Съела банан и купленный ещё на суше помидор, и этого оказалось мало. Поэтому на полдник пришлось идти в столовую, где подавали набитые чем-то помидоры с майонезом (фу). Но это была более-менее нормальная еда, потому что иногда на полдник дают что-то сладкое, а иногда — сытное. И никогда не угадаешь, когда что получишь. В этот раз подали сытное, и это было очень кстати. Качало сильно, поэтому вокруг было меньше людей, никто не работал, ничего не происходило.

У нас в этот день уже были планы поработать — разгрузить контейнеры. Я к девяти утра была готова выходить, но поняла, что никакого движения нет, и легла обратно в кровать. К вечеру мне стало лучше. Возможно, я просто уже начала привыкать и сходила на ужин. А ещё, когда становится немножко лучше, можно читать. Я читаю электронную книжку, это “High Fidelity” Nick Hornby, британская книжка 1995 года, по ней ещё есть фильм

и сериал. С книгой не так скучно лежать, ты хоть как-то функционируешь. Ещё можно аудиокниги или подкасты слушать.

Двадцать второе сентября — это сегодня. Очень странно было, когда в семь утра из общих корабельных динамиков начала играть тихая музыка, как будто для того, чтобы нас разбудить. Подумала, что раз нас будят, значит, хороший день и можно работать. Вставайте, мол, люди, на мостике знают про то, что качки не будет. И не знаю, на самом ли деле качка была меньше или я просто в это поверила. Но я встала к завтраку и съела омлет. Иногда бывает овсянка, а я не очень люблю углеводные завтраки, предпочитаю белковые.

Каково же было моё удивление, когда днём я встретила гидрофизика Сашу, который сказал: «А я лежу весь день, меня качает, как и до этого всегда». И это притом что двадцатого числа, когда был перерыв в качке, у него тоже всё было хорошо, как и у меня. А тут его качает, а меня нет. Интересно, как же всё это работает? Насколько же всё субъективно. Сегодня вроде и качает, а я чувствую себя нормально. А ведь это те же пять баллов, как и восемнадцатого числа, когда всё началось. Даже сравнивать невозможно мои состояния тогда и теперь. Сегодня с утра я даже опять походила на дорожке, хоть это и было несколько странно, потому что корабль всё-таки шатало. Потом я смогла работать, читала статьи за ноутбуком. Кто-то говорит, что качка закончится, только когда мы придём во льды. Льды должны быть уже скоро, я надеюсь. Ждём. Такое ощущение, что привыкаешь к этому. Хорошо, если так, но в качку нельзя или сложно таскать тяжёлые вещи, а нам нужно разгружать контейнеры, обустривать лабораторию, потому что ещё ничего не готово. Это нормально, но всё-таки хочется, чтобы был какой-то период ровного хода корабля, чтобы мы смогли прикрутить микроскопы и прочее. Было

столько планов на этот переход. Сейчас мы просто идём до льдины, и вот там начнётся самое главное. За этот период до начала дрейфа мы собирались сделать очень многое, а нас качает, качает, качает.

24 СЕНТЯБРЯ

Хорошо, шторм кончился.

Ещё вчера.

А так вообще мало что происходит, стараюсь развлекать себя как могу.

Работаю.

Читаю статьи.

Читаю книги.

Пишу в дневник.

Тут переписываюсь с людьми.

Звонить, кстати, тоже можно.

Начинаются какие-то приступы социальной тревожности, кажется, что я ни с кем не общаюсь, и это ужасно.

Ну и конечно, мы беспокоимся за тех, кто на суше, и думаем, куда мы вернёмся.

25 СЕНТЯБРЯ

Сегодня был разговор с журналистом про театр. Он ругал всех театралов, которые делают что-то вне сцены и недраматическое типа перформанса, сайт-специфика и так далее. Пытался мне доказать, что я люблю такое только по причине малого опыта просмотра классических спектаклей.

26 СЕНТЯБРЯ

У нас тут прекрасные рассветы в полночь, записала видео.

Завтра после шестнадцати опять обещают отключить интернет, потому что мы близимся к восьмидесятому градусу.

27 СЕНТЯБРЯ

Бедные журналисты с трудом находят инфоповоды, мучаются.

29 СЕНТЯБРЯ

Слышу разговор в столовой. У журналиста претензия к человеку, который загружал фильмы в общую систему (в каждой каюте есть ТВ). Он возмущён, говорит: «Что ты накачал туда?! Что за фильмы? Я хотел посмотреть какую-нибудь лёгкую комедию, а там всё про геев, чёрных, трансгендеров или одиноких людей...»

Вечер с Сашей (он уходит обратно на «Роговицком», не идёт в дрейф).

При установке софта всегда выбирает русский язык, говорит, что он лучше английского и лучше всех других языков. Когда с ним не работает, грустно после уговоров удаляет программу и устанавливает на английском. Программа работает.

Он: Шла бы ты замуж, учила рецепты, а не это всё, какая ещё наука.

Он: Я женщин уважаю.

Я: Уважай людей.

Он: Нет, людей я не люблю.

Он: Ты что, феминистка?

Я: Кто такие феминистки?

Он: Да я не знаю даже, для меня это слово из телевизора.

Лазит по моему ноутбуку, смотрит папку «фильмы», там есть видео с фестиваля «Политика культуры». Открывает.

Он (с презрением): Это люди, которые собираются в зуме, чтобы просто поболтать, создать видимость деятельности?

Я: Зачем создавать видимость деятельности?

Он: Просто так, для (не помню, что сказал, но суть была в получении регалий, авторитета, типа того). И это человек, с которым мне приятнее и проще всего было общаться всё это время.

30 СЕНТЯБРЯ

Нашли льдину (хорошая), пришвартовались к ней (сначала ледокол сделал щель, мы туда зашли). Непривычно стоять на месте. Тревожно — и так целый год или полгода? Идти гораздо приятнее.

Уже два дня нет связи с сушей (у рядовых членов экспедиции, по крайней мере).

Танцевала в каюте под «Интурист» — «Ничего не знать».

1 ОКТЯБРЯ

Пишу письмо первого октября и не знаю, есть у нас уже связь или ещё нет. Вроде скоро должна быть, я жду, начинаю писать письма всем.

Вот что произошло за эти дни. «Профессор Роговицкий», судно ледового класса, которое идёт с нами, шло впереди, чтобы найти подходящую льдину. Планировали найти на восьмидесятой широте, но не удалось, пришлось идти севернее. Мы как-то быстро вошли во льды:

сначала лёд был тонкий, гибкий, потом всё толще. В итоге вчера пришвартовались к большой льдине (примотали канаты с корабля на воткнутые в лёд два колышка) и невзначай начали дрейф на восемьдесят первом градусе. И почти сразу начали разворачивать лагерь — строить метеорологический пункт: домик из деревянных панелей и вышку. Главный метеоролог, сублильный и с виду тихий интеллектурал, приставал ко мне пьяным, ещё когда мы сядились на корабль, так что положительных ассоциаций с этой научной группой у меня мало. Постепенно будут выставлять разные точки лагеря (домики, оборудование). Работают в основном ночью, потому что светло. Я же ночью сплю и пропускаю много всего интересного... Но на лёд меня пока всё равно не пустят: людей спускают в специальной корзине через борт. Потом должны организовать нормальный трап прямо на лёд. Но я выходила сегодня на палубу снимать и порадовалась тому, что геологам не надо работать на льду — холодно там! До геологических работ пока далеко. Остаётся искать дела внутри корабля.

День пока проходит так:

7:35	будильник; одеваюсь и выхожу из каюты.
7:40–8:00	завтрак.
8:00–8:30	мелкие дела в каюте (чищу зубы, например).
8:30–9:00	упражнения в каюте.
9:00–10:00	прогулка по беговой дорожке.
10:00–10:30	выход на палубу.
10:30–11:30	делаю что-то до обеда (читаю статьи, хожу в лабораторию просто так, слоняюсь, делаю мелкие дела).
11:30–12:00	обед.
12:00–15:30	крупные дела (опять читаю статьи или отчёты, готовлю полевой журнал, если

	не хочу работать — читаю книгу, смотрю видео или фильмы, хожу в лабораторию посмотреть, как идёт работа у коллег. Если работаю, то делаю перерыв с 13:30 до 14:00).
15:30–16:00	полдник (радуюсь, если дают нормальный кофе и что-нибудь сладкое! Но это бывает в основном по выходным).
16:00–19:30	отдыхаю, делаю непонятно что (если иду в душ, то в это время чтобы волосы высохли).
19:30–20:00	ужин.
21:00–21:30	общее собрание.
21:30–22:30	какие-то дела, связанные с людьми (почему-то именно в этот момент я начинаю их ловить, просить что-то сделать, помочь). Заглядываю в салон, проверяю, смотрят ли фильм (раньше смотрели, теперь играют в PlayStation).
22:30–23:00	вечерняя прогулка по борту (становится светло, и хочется успеть посмотреть на пейзажи).
23:00	ложусь спать.

Главная моя деятельность сейчас — искать себе дела, чтобы быть занятой. Многие работают уже достаточно активно, в том числе на улице — это, наверное, создаёт ощущение проведения времени с пользой. Сейчас в приоритете физическая работа — нужно разгружать, таскать, строить... Я же пока занимаюсь всякими теоретическими штуками, и то не очень плотно. Это частая проблема в экспедициях — главное, не сойти с ума до начала работ.

С общением пока сложно. Тут в большинстве мужчины, конечно, и почему-то они относятся ко мне

в первую очередь как к женщине, а уже потом как к учёному или просто человеку. Не все воспринимают меня всерьёз, мне как будто нужно доказывать что-то постоянно. Это напрягает. После того как я попросила заместителя по науке не называть меня «девочка» и «Лидочка», он стал говорить, что боится меня. Почему-то кажется, что у других женщин таких проблем нет (тут есть, например, две более взрослые женщины, они главы групп). Наверное, можно общаться с ними, но я с ними не сталкиваюсь. В общем, нужно сильно стараться, чтобы организовать себе нормальное общение, а я этого не делаю.

А, ещё ходила к медику на профилактический осмотр. Всё прошло хорошо, но он не стал делать ЭКГ, которое полагается всем, потому что я, видите ли, была без лифчика (я его вообще не ношу). Мне показалось это странным — а как же моё здоровье? В общем, вопрос женщин на корабле остаётся актуальным.

Пока нас несёт на восток (я ожидала, что понесёт на запад).

Пишу заметки, чтобы не забывать, что происходило, или отмечать что-то интересное — буду присылать тебе. Видео записываю периодически, цветок и окно фотографирую.

2 ОКТЯБРЯ

Официально начали дрейф в семь утра по Москве, вывалили на лёд (я — впервые), стреляли огнями, фотографировались. Нашу группу геологов быстро щёлкнул журналист на фоне пресловутой льдины: слева полноватый смуглый мужчина лет пятидесяти с чёрной бородой, справа — помладше, высокий и носатый, а посередине я — огромные очки от солнца на округлом лице, наполовину скрытом зелёным шарфом, все дружно улыбаются.

«Роговицкий» ушёл — видно в иллюминатор. На полдник — торт и Ritter Sport молочный с орехами. Раньше я бы порадовалась шоколадке, а теперь, когда давно не ела сладкого, чувствую, что это просто куча сахара, невкусно.

Ушли все те, кто не должен дрейфовать, в том числе единственный пока человек, с которым я могла общаться. Грустно, не попрощались даже. Зато все остальные его долго обнимали, провожали активнее всех — и при этом он говорит, что не любит людей?

Всё ещё нет связи — я страдаю.

После отправки писем через химиков. Смешно — что, если бы я перепутала письма тебе и человеку, который остался на суше? Он бы прочитал много про Сашу, было бы неловко.

3 ОКТЯБРЯ

Давно скачала книгу «Благоволительницы», очень хотела почитать, а она оказалась на французском. Попросила Полину скачать её на русском или английском и прислать. Смотрели «Терминатор» в салоне по моей инициативе, потом вторую часть, но я пропустила начало и смотрела потом одна в каюте. А в салоне был аншлаг.

На полдник давали бургер — холодный, с котлетой, огурцами и помидорами, на булке для бургеров, как полагается. Очень странно смотрелось почему-то. Все удивлялись. Узнала, что на полдник теперь всегда будет настоящий кофе — раньше был только на завтрак. Это абсолютно прекрасно!

Вечером на собрании сказали, что женщинам в сауну можно будет только в среду и пятницу с 19:00 до полуночи. Мне это, конечно, не понравилось — маленький выбор. Я не знала, как объяснить этим людям, что могла бы ходить в сауну с мужчинами, не вижу тут

ничего ужасного. Да и вообще напрягает столь чёткое деление на мужчин и женщин. Непривычно. Все испытующе смотрели на меня (страшно), мне не нравилось, но возразить я не смогла. Но и не согласилась, другие женщины ответили за меня. Не понимаю пока, как общаться здесь с мужчинами, когда мне кажется, что они видят во мне исключительно женщину, а уже потом человека, учёного (если вообще видят), и поэтому немного боятся. Невольно начинаю думать: что со мной не так? Хочется сломать это, не привыкать к такому отношению. А может, это я проецирую.

4 ОКТЯБРЯ

Полина прислала книжку, посмотрим, на сколько меня хватит. Дрейф идёт в течении, точнее, должен проходить в нём, пока же нас несёт куда-то на восток — это не по плану. В конце нас должно вынести на юг, ближе к Атлантике и Шпицбергену, там льдина скорее всего начнёт таять, трескаться (весь лёд там тает). Это естественный процесс. И тогда судно включит двигатель и поплывёт. Но не факт, что в тот момент на борту будет нынешний состав. Если удастся сделать взлётную полосу, то весной за нами прилетит самолёт и привезёт других людей. Но это пока не известно точно.

Ночью думала про недостаток тактильных ощущений, точнее, именно касаний людей. Кого тут трогать? Некоторые мужчины пытались, но я не даю, это было бы странно. Почему-то кажется, что мужчинам проще общаться с другом, чем женщинам.

Сегодня с утра в работе, писали профиль, потом разбирались с микроскопом. Коллега-геолог шеймит за отсутствие знаний, это забирает энергию. Почему они оба такие токсичны? Сравниваю с гидрологом — он абсолютно нормально со мной разговаривает (да и все остальные

тоже, кроме заместителя). Вспоминаю, как какой-то терапевт говорил, что в семьях часто считают нормальным травить родственника, даже не замечают этого, в то время как такое же отношение к людям извне не практикуют.

Уже в обед понимаю, что надо спать. Успеваю постирать (на штаны попал борщ), пока жду, читаю и пишу письма. Сплю до полдника, успеваю отхватить кофе. Всё равно хочется спать — не люблю спать днём. Попробую сегодня лечь пораньше (в 23:00). Всё из-за писем (вчера вечером долго грузила фотку, легла позже).

Понимаю, что скоро начнётся работа и не будет столько времени на рефлексии и книжки. Эх.

5 ОКТЯБРЯ

На полдник давали селёдку под шубой с куском авокадо сверху. Почему так? Но авокадо приятно удивило, напомнило сушу.

Вчера полночи думала со злостью про то, что коллеги-геологи меня не уважают, страдала. Сегодня говорила с одним, почти наорала, когда он стал предупреждать, что будет включать музыку в динамиках в лаборатории. Всё очень странно. Почему именно люди, абсолютно не готовые идти на компромисс, — мои ближайшие коллеги? Сегодня полдня болела голова после утреннего дурацкого нервного разговора. Надо что-то делать. Но я попробовала: объяснить, достучаться до них — никак. Пока мне хорошо, только если я с ними долго не общаюсь, а общаюсь с другими людьми. Я не хочу привыкать к этому отношению, притираться, смиряться и всё такое. Хочу, чтобы они поняли меня, поняли, что они грубят, унижают, просто не уважают. Вот буквально только что говорила про одну проблему в лаборатории — мне опять посоветовали смириться! Шутят, что ли. Какое в этом для них удовольствие — знать, что один человек из группы

страдает и не может нормально работать? Не понимаю. Начинаю себя осуждать за то, что так много ною тут. Но я заметила, что, когда долго жалуюсь на что-то, проблема уходит.

Пока есть настроение писать и я не погружена в работу на 100%, напишу про наши собрания. Это очень вертикальная штука. Все садятся вокруг длинного стола, кому не хватает места — по стенам. В зале шикарные кресла из коричневой глянцевой искусственной кожи, пахнущей отвратительно. Во главе стола сидит начальник экспедиции: всегда нарочито спокойный, тёмные волосы в хвосте бликуют на холодном свете, справа от него возвышается зам, нервно тарабанит по столу тонкими пальцами или чешет редкие седые кудри. Все главы групп по очереди рассказывают про свои дела за день: что получилось, что нет. Если что-то пошло не так — начальники журят, ответственные лица должны пообещать, что всё исправят. И так до конца. Все сидят немного напряжённые. В конце звучит послание от начальников к нам. Невольно сравниваю эти собрания с аналогичными в международной экспедиции (была однажды, но запомнилась она очень хорошо). Там все встречаются друг с другом как коллеги, выступают друг перед другом; если рассказывают, то не для одного главного человека, который даст оценку, а для всех.

Сегодня поймала себя на мысли, что мне нравятся члены команды, которые сидят в столовой за столом напротив: доктор, техник и вроде бы второй старпом. Нравятся просто так. Наверное, я привыкла видеть их лица каждый день за едой. Мне нравится, что они разговаривают между собой. Медик, как и я, постоянно ест тосты с маслом.

Часто возвращаюсь к гендерному вопросу. Вспоминаю многих знакомых женщин — морских геологов: они часто ходят в экспедиции, успешно работают — то есть это

со мной что-то не так? Только мне кажется, что меня все притесняют? Но кто знает, что чувствуют мои коллеги-женщины? Сколько они работали, прежде чем их начали уважать и признавать?

6 ОКТЯБРЯ

Ну вот, пожаловалась, и часть проблем решилась. Теперь буду приличную часть работы делать не в нашей лаборатории, а в химической, на пару палуб выше — туда перенесли микроскопы. Почувствовала огромное облегчение. Но всё равно обидно, что в нашей лаборатории не чувствую себя своей.

Третий день подряд привычной утренней рутины нет — то вдруг работа, то будильник не звенит, и я просыпаю завтрак и свой слот на дорожке (в другое время не хочется). Эх, а ведь я обожаю утра и завтраки. Ночью же долго не могу уснуть, думаю о том, что за ужас происходит и насколько мои отношения с людьми тут странные. Устаю от такого режима. Я даже книгу вчера читала не больше десяти минут... Сегодня попробую всё изменить: посмотрю фильм, и никто меня не остановит! Тем более с профилографом всё более-менее стабилизировалось и больше не нужно смотреть за ним так часто. Да и гидролог, который с ним работает, молодец, с утра я даже не стала с ним спорить по поводу некоторых настроек, а уступила (хотя ночью собиралась бороться).

Посмотрела «Орландо» — очень удачный выбор фильма именно сейчас.

7 ОКТЯБРЯ

Нахожусь всё время в напряжении, потому что боюсь коллег. Избегаем друг друга. Понимаю, что всё это называется травлей — с начала нашей совместной работы

коллеги меня исключали из группы, игнорировали, шутили по-дурацки, делая вид, что это я слишком серьёзно всё воспринимаю... Как абсурдно: нас всего трое и нужна любая рабочая сила. Я готова максимально публично об этом говорить, лишь бы что-то предпринять.

Решила сделать свой рейтинг симпатий научных команд — наверное, по следам High Fidelity. Поняла, что мне нравятся группы, близкие к нам в плане науки. Интересно, то есть просто привлекает знакомое? Или люди определённого типа занимаются определённой сферой? У химиков в команде есть женщина — не могу понять, почему я ей не доверяю до конца. Она как будто всегда преследует свои интересы и в принципе непроницаема. Она не выглядит жёсткой, но всегда добивается своего. Не понимаю как. Знаю, что она уже пятнадцать лет ходит в экспедиции — видимо, научилась договариваться с мужиками.

С командой сложнее — я мало знакома с ними. Всё ещё не знаю толком, кто второй механик, кто матрос, кто электротехник... Но опять же, часто нет условий для общения — и как тут знакомиться?

Тем временем мы возвращаемся в точку, с которой начали.

Хочу зафиксировать, что у меня осыпаются губы! Сохнут, трескаются, сыплются чешуйками. Это происходит каждый раз в начале рейса и длится, может, неделю, но тут что-то всё не заканчивается. Наверное, дело в воде — питаюсь-то я шикарно. Неужели так будет весь год? Зато лицо неприлично гладкое — ухаживаю тут за ним активнее, чем на суше.

Прочитала письмо Полины — ой, сразу хочется много расписать про то, что учёные ничем не отличаются от остальных людей. Просто у меня тоже были завышенные ожидания от них, и последовало разочарование. Но часто бывает, что выдающиеся учёные, по-настоящему

крупные, оказываются интересными адекватными людьми с гибкими и всегда молодыми мозгами.

Как же я их боюсь. Он разговаривает со мной, как будто я машина, которая должна делать то, что он скажет. В итоге ревела перед собранием. И после.

8 ОКТЯБРЯ

Ночью долго не могла уснуть, всё думала, что делать. Придумала кучу всяких ходов, утром их записала: написать начальнику моего отдела в институт, написать доброму коллеге, обратиться к начальнику экспедиции, сказать что-то на собрании, просто больше общаться с другими людьми здесь. Вообще было очень плохо, я не видела света, не знала, как выжить, как спасти психику. Это же может длиться до августа! Стала очень сильно надеяться на то, что нам удастся убраться отсюда в апреле. С ужасом обнаружила суицидальную мысль... В который раз стала вспоминать всё хорошее, что есть в жизни, хорошее, что есть тут. Прерывалась на воображаемые разговоры с коллегами, было очень страшно. Посмотрела на время — два часа ночи. Выключила будильник, лучше проспаться завтрак, чем потом спать днём. Тем более кофе теперь есть в лаборатории.

Утром проснулась около одиннадцати. Вспомнила кадры из «Орландо», где он спал неделю — хотелось сделать так же, чтобы восстановиться. Встала, пошла на обед, после — в лабораторию за кофе и корреспонденцией. Как я была рада получить несколько писем, прекрасных, позитивных, утешительных, сочувственных... Чтение и написание ответов за кофе оказалось идеальным началом дня, хоть и поздним. Сделала первое действие из плана по спасению себя — написала начальнику моего отдела просьбу дать советы по взаимодействию

с коллегами (он собирался сделать это на суше, но как-то мы это пропустили). Меня трясло, когда я отправляла столь странное сообщение, но потом стало легче, и до полдника я смогла поработать. В столовой разговор сам пошёл в сторону моих коллег-геологов, и тут я осуществила второй пункт спасительного плана — честно поделилась с людьми нашими проблемами с коммуникацией. Правда, получилось не совсем серьёзно — серьёзный разговор про это не для столовой, и над ситуацией смеялись, но хотя бы есть прецедент. Женщина-химик рассказала, что она уже была с этими людьми в одной экспедиции и научилась с ними взаимодействовать (в принципе, все за столом признавали, что мои коллеги не умеют общаться, — я почувствовала облегчение). Жалею, что не спросила сразу, что надо делать. В то же время — разговор как раз и начался с того, что ни я, ни она не можем заставить их унести лишний микроскоп из химической лаборатории на пару этажей ниже. То есть она если и может до них достучаться, то не всегда... И всё же мне стало ещё легче, хоть и опять трясло. Заинтересовало и порадовало, что биолог за соседним столом, кажется, внимала нашим разговорам — она мне кажется очень адекватной. В общем, ещё есть пространство для действий, ситуация не должна быть безвыходной. Противно, однако, думать, что я сейчас на войне. Ещё боюсь перспективы войти в позицию жертвы или беспомощной заложницы двух сумасшедших и там и остаться до конца экспедиции.

Вечером. Посмотрела «Чужого». Удивительно, сейчас очень легко привязываю весь контент к моему текущему положению. Во-первых, там тоже люди на корабле. Их ещё меньше, и положение более изолированное от всего... Вот там точно нельзя подбирать людей наугад. Во-вторых, я увидела простой посыл — что отчаиваться никогда

не стоит (не знаю, что там в следующих частях, смотреть не буду). Наверное, я и ожидала, что фильм будет в таком духе, поэтому его выбрала сейчас. Думаю о том, что моя сестра бы, например, решила, что это какая-то магия, или чудо, или судьба, что случайный фильм попался так в тему.

После собрания пошла к начальнику просить трек дрейфа — мой записался с пробелами. Там был и зам, который любит странно шутить в мой адрес. Сначала он обвинял меня в трате трафика (из-за этого нам отключили почту на два дня), потом в том, что я беру швабру и не возвращаю на место (да, у нас сейчас пропадают швабры, такая проблема на борту). Потом был такой разговор:

Зам: Ты ведёшь дневник?

Я: Что?

З.: Ты ведёшь дневник?

Я: Да, я веду дневник. У меня несколько дневников.

З.: Это типа разным людям?

Я: Да

Он: У нас есть толстые тетрадки, если что.

Начальник: Да сейчас все в цифровом виде ведут...

Я: У меня один аналоговый, остальные цифровые.

З.: И про что ты там пишешь? Про кого?

Я: Про своих коллег-геологов, про то, как с ними сложно общаться и какие они страшные.

З.: А про начальников пишешь?

Я: Нет, пока нечего.

(Забираю флешку с треком и ухожу.)

На фоне малого количества общения и этот разговор ничего. Я рада тому, что была абсолютно искренней

(хоть от меня и ожидали, наверное, шуток в ответ). И сейчас вот написала в «дневнике» про «начальников» — вы довольны там? Вот так вдруг сбылась моя мечта сообщить о трудностях в коммуникации с коллегами ещё каким-то важным дядькам в надежде что-то изменить. Это было спонтанно и в форме шутки, но, надеюсь, что информация попала им в головы. Такое ощущение, что сейчас все разговоры будут сводиться к этому. Быстрее бы это время закончилось.

Продолжаю каждый день фотографировать вид из окна и цветов. Из окна давно уже мало что видно — в качку окно покрылось брызгами морской воды, и скоро она замёрзла на стекле, телефон даже не может сфокусироваться на том, что снаружи. Видно, наверное, общий тон — было синее, стало белое. Раньше я фотографировала с утра, теперь смысла нет — темно, снимаю вечером около одиннадцати. Интересно, стоит ли продолжать, когда будет полярная ночь. Сейчас поняла — точно, да, ведь так я смогу отследить и возвращение солнца!

Много думаю про человека, который ждёт меня на суше, и это меня спасает, но никогда не пишу сюда — боюсь, если начну, то не остановлюсь, и превратится это всё в сплошные сопли.

9 ОКТЯБРЯ

Кажется, сегодня тот день, когда совсем закончились свежие овощи. В обед на второе был рис с водорослями и маринованная морковь. На вкус прекрасно, но я хотела зафиксировать этот день.

Сегодня, когда с утра шла в зал, видела голого мужчину в раздевалке. У нас достаточно простая архитектура пространства этой зоны — одна раздевалка ведёт и в сауну, и в зал. Интересно, что на время «женских часов» в сауне вход в спортзал осуществляется через другую дверь,